

под лавиною // Дней – как каторгу избываю жизнь («Существования котловиною...») [Цветаева] и др. В своих произведениях М. Цветаева создает образ «лживой», обманчивой жизни, земное бытие для поэта всего лишь «сон», «греза», «призрачное существование»: *Неподражаемо лжет жизнь: // Сверх ожидания, сверх лжи... // Но по дрожанию всех жил // Можешь узнать: жизнь! // Слово во ржи лежишь: звон, синь... // (Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал // Бормот – сквозь жимолость – ста жил...* («Неподражаемо лжет жизнь...»); *Уснуть, забыться бы с отрадной думою, // Что жизнь нам грезится, а это – сон!* («Проснулась улица. Глядит, усталая...») [Цветаева] и т. д. Таким образом, в стихотворениях М. Цветаевой земная жизнь осмысливается как «юдоль страдания», как место тяжких испытаний, наказание.

Земной жизни в поэзии М. Цветаевой противопоставлена жизнь внутренняя, духовная, связанная с реализацией творческого потенциала поэта. В некоторых произведениях Цветаевой лексемы «жизнь» и «стих» выступают в качестве контекстуальных синонимов: *Вскрыла жилы: неостановимо, // Невосстановимо хлещет жизнь. // Невозвратно, неостановимо, // Невосстановимо хлещет стих* («Вскрыла жилы: неостановимо...») [Цветаева]. Жизнь для М. Цветаевой – это путь Духа, путь поэтического творчества, рассмотренный с точки зрения исполнения Божественного промысла о поэте. Жизнь в такой интерпретации предстает как ситуация постоянного выбора между материальным и духовным в пользу Духа: *Я счастлива жить образцово и просто: // Как солнце – как маятник – как календарь. // Быть светской пустыницей стройного роста // Премудрой, как всякая Божия тварь. // Знать: дух – мой сподвижник, и дух – мой вожатый! // Входить без доклада, как луч и как взгляд // Жить так, как пишу: образцово и сжато, – // Как Бог повелел и друзья не велят* («Я счастлива жить образцово и просто...») [Цветаева].

Таким образом, в поэтическом языке М. Цветаевой актуализируются как узуальные, традиционные значения лексемы «жизнь», зафиксированные лексикографическими источниками русского языка, так и индивидуально-авторские смыслы, отражающие мировосприятие и жизненную философию самого поэта.

Литература

Кожемяченко Е. В. Семантико-стилистические возможности слова в поэзии М. Цветаевой / Е. В. Кожемяченко // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: сб. научн. тр.: в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. – Электронный ресурс: URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/21511> (дата обращения: 09.11.2018).

Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык. – Т. 1. – 1981. – 698 с.

Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2000. – Т. 1. – 848 с.

Цветаева М. И. Стихотворения 1906-1941. – Электронный ресурс: URL: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/> (дата обращения: 09.11.2018).

**Языковые средства создания пейзажа в прозаических
текстах И. А. Бунина**

пейзаж, художественный текст, И. А. Бунин

И. А. Бунин – один из величайших русских писателей, в жизни которого особое значение имело природное начало. В структуре его художественных текстов большая роль отводится пейзажным зарисовкам, ставшим повествовательной доминантой идиостиля писателя.

Данная работа посвящена изучению осмысления природного мира и его лингвистической репрезентации в прозаических текстах И. А. Бунина. Анализ языковых особенностей создания пейзажа в художественном языке писателя позволит углубить представление о значимости природного начала в реализации идейно-философского замысла произведений И. А. Бунина как составляющей части его идиостиля.

Пейзаж в текстах И. А. Бунина – это не простое «описание природы», а важная органическая часть повествования, своего рода «действующее лицо», которое не просто являет собой «фон» действия, но формирует и направляет характер и поступки персонажей.

И. А. Бунин мастерски рисует картины природы, используя классические языковые средства, при этом формируя свой новый индивидуальный стиль.

В. В. Нефедов, исследуя природу бунинского творчества, описывал его художественную манеру как живопись посредством слова: «...писатель <...> сознает себя представителем живописи в искусстве слова <...> одна из основ его творческой индивидуальности: он – профессионал пера, но с таким отношением к слову, которое соответствует отношению живописца к краске» [Нефедов 1990: 211]. Иллюстрацией к данному высказыванию могут послужить многочисленные примеры живописного природоописания, нашедшие отражение на страницах произведений писателя. Картины природы создаются в текстах И. А. Бунина с помощью лексических единиц, принадлежащих тематической группе «изобразительное искусство» (*живописный, картинный, панно, фон, тон, мазок, краски* и др.): «И далеко видны светлые поляны среди живописных старых дубов в сказочно прекрасной глубине рощи...» («Белая лошадь»); «Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи...» («Суходол»); «Зимний парижский закат, огромное панно неба в мутных мазках нежных разноцветных красок...» («Un petit accident»); «Темно-сизый фон неба еще более усиливал яркость зелени...» («Храм солнца») [Бунин] и т. д. По мнению О. В. Рудневой, семантическое поле пейзажа в художественных текстах И. А. Бунина организовано на основе концептуальной модели «природа – картина», получившей языковое воплощение через семантические признаки лексем 'светотень', 'степень насыщенности' (*бледный, сильный, жидкий*), 'степень яркости' (*тусклый, яркий*), 'степень сложности' (сложные цветовые эпитеты) и 'степень чистоты краски / тона' (*чистый, грязный, мутный*) [Руднева 2007].

К излюбленному приему И. А. Бунина при создании пейзажных зарисовок можно отнести использование тропеических номинаций (эпитетов, метафор, сравнений и др.).

Характерным для художественных текстов И. А. Бунина изобразительно-выразительным средством, используемым для описания природы, становится эпитет. Писатель отдает предпочтение двучленным эпитетам, передающим прежде всего цветовое восприятие действительности: «Тогда в *золотисто-бирюзовую* глубину небосклона высоко поднялись *дымчато-аметистовые* радиусы» («Море богов»); «И море *пепельно-сиреневых* холмов, простирающееся окрест, дремлет, теряется в мглистой суши...» («Пустыня дьявола»); «Солнце садилось после дождливого дня в *серо-красные* тучи, стволы в березовом лесочке были алые, проселок, резко выделявшийся *черно-фиолетовой* грязью среди свежей зелени, был тяжел» («Деревня») [Бунин] и т. д. Следует отметить, И. А. Бунин создает цветовое восприятие, связанное с природными объектами, и с помощью наречий и отъядъективных стативных глаголов со значением цвета: «Потом стиснул зубы, закрыл веки, чувствуя, как по щекам катятся из-под них слезы, – и наконец заснул, а когда снова открыл глаза, за занавесками уже *красновато желтело* вечернее солнце» («Солнечный удар»); «Снега уже нигде, кроме оврагов, не было, в деревнях опушились легкой лимонной дымкой лозины; вокруг деревень *лилово чернели* пашни, грело солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтам, пели жаворонки» («Игнат») [Бунин] и т. д. Однако, кроме цветовых эпитетов, И. А. Бунин активно использует и эпитеты эмотивные, репрезентированные в текстах прилагательными и наречиями с эмоциональными семами: «...еще совсем было светло, *дивно* рисовались на золотой эмали заката серым кораллом сучья в инее, и *таинственно* теплились вокруг нас *спокойными, грустными* огоньками неугасимые лампадки, рассеянные над могилами» («Чистый понедельник») [Бунин].

Распространённым средством наглядно-образного изображения природы в прозаических текстах И. А. Бунина является сравнение: «*Как серебристо-голубой туман* – далекая и неоглядная долина Иордана» («Пустыня дьявола»); «Тихо, тихо приподнялся и прильнул к стеклу: в белесой мути, бледно озаряемой луной, на тропинке среди кустарника, *точно мукой осыпанного*, чернели две поднимавшиеся из-под горы фигуры» («Ермил»); «Морозило крепко, и Большая Медведица *бриллиантами* висела по небу над снежной поляной» («Мелитон») [Бунин]. Нередко писатель прибегает к использованию сравнительных конструкций с прилагательным «похожий», создавая необычные образы природных реалий: «И, щурясь от солнца, Иля в забытии следит за *облаком, похожим на пуделя*, которое, медленно тая, плывет по светозарной сини неба...» («Далекое»); «... я подолгу смотрел на меркнувший нежно-алый закат, по которому громоздились синие *тучки, похожие на саркофаги*» («У истоков дней») [Бунин] и т. д.

В прозаических текстах И. А. Бунина широкое распространение получают метафорические номинации с лексическими единицами, передающими значение природного мира. Природа в художественном мире писателя одушевляется: «Теплое *солнце* точно *щурилось, улыбалось* сквозь бледную апрельскую дымку в небе» («Личарда»); «Радостными синими *глазами глядит* сверху небо» («Камень»); «Тогда слышно было падение каждого листика в лесу; мокрые *кустарники плакали* беззвучными слезами, а тишина уже сменялась мертвым молчанием гор» («В Альпах»); «Две *галки звонко и радостно* сказали что-то друг другу» («Сосны») [Бунин] и т. д.

Антропоморфные метафоры в текстах И. А. Бунина строятся на основе уподобления природы человеку по ряду характеристик: внешность человека, физическое и эмоциональное состояние, процесс мыслительной деятельности и её результат, речевое поведение человека, движение и др.

Интересно отметить, что для описания состояния природных объектов И. А. Бунин на страницах своих произведений нередко использует индивидуально-авторские словоформы, создающие особый, неповторимый образ изображаемого: «Снег вокруг, среди сосновых розоватых стволов, становится все глубже, белее, сосны все *оснеженнее*» («Метеор»); «Ясно виден и обманчиво близок кажется северный залив. Но синее он тускло, *керосинно...*» («Страна Содомская»); «В этой *млечности* есть зеркальность; но на горизонте сумрачно, зловеще: это от Юпитера и оттого, что там, в южном небосклоне, нет почти звезд» («Ночь»); «Море *заштило*, зеленеет, // На востоке, светлом, апельсинном, // Розовеют снеговые горы» (стихотворение «Матрос») [Бунин] и т. д. Неординарность художественного слова И. А. Бунина проявляется и в сочетаемостных возможностях лексем, реализованных в текстах его произведений и раскрывающих специфику его идиостиля: «С балкона открывается ночное море. Бледное, млечно-зеркальное, оно *летаргически-недвижно*, молчит» («Ночь»); «... в шумной *гробовой черноте лесов* то и дело разверзались волшебные зелёные бездны и *раскалывались* в небесных высотах допотопные *удары грома*» («Кавказ») [Бунин] и т. д.

Важную роль в текстах писателя играют словосочетания оксюморонного типа, привлекающие внимание читателя яркостью создаваемого ими образа: «Ночь кажется бесконечной и сладкой – тепло постели, тепло старого дома, одинокого в *белой тьме* несущегося снежного моря...» («Таня»); «После завтрака – все жаренная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты – в *знойном сумраке* нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, веселые полосы света» («Кавказ»); «*Пасмурные зарницы* освещают иногда пару ровно бегущих рабочих лошадей со спутанными гривами...» («Волки») [Бунин] и т. д. Оксюморонные сочетания участвуют в формировании нестандартных ассоциативно-образных рядов, отражающих субъективное, индивидуально-авторское восприятие тех или иных природных реалий.

Таким образом, И. А. Бунин с помощью разнообразнейших языковых средств мастерски создает картины природы, которые занимают центральное место на его «художественных полотнах».

Литература

Бунин И. А. Повести и рассказы / Бунин И. А. – [Электронный ресурс: <http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=22>]. (Дата обращения: 15.09.2018).

Нефедов В. В. Чудесный призрак: Бунин как художник Текст. / В. В. Нефедов. – Минск: Польша, 1990. – 239 с.

Руднева О. В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И. А. Бунина: (лингвостилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук / О. В. Руднева [Сургут. гос. пед. ун-т]. – Сургут, 2007. – 188 с.